

Языкознание

Стефана Димитрова (Болгария)

РУССКОЕ СЛОВО В ОБЩЕМ ЯЗЫКОЗНАНИИ¹

Тема настоящего симпозиума «Русское слово на Балканах» многоаспектна. Она включает как изучение русского языка в упомянутом ареале, так и распространение русских грамматических учений на Балканах. В настоящем докладе внимание будет сосредоточено на втором аспекте. А это значит, что следует говорить прежде всего об идеях русских ученых, имеющих отношение к проблемам общего языкознания, поскольку вся история лингвистических контактов на теоретическом уровне связана именно с воззрениями и убеждениями, допускающими приложению к разным языкам. Сразу же придется сделать оговорку, что в одном докладе невозможно охватить то, что создавалось веками, тем более что само русское языкознание является широко разветвленным, поскольку в нем параллельно работали ученые разных школ и направлений. Поэтому здесь будут представлены отдельные проблемы, поставленные в разное время выдающимися представителями русской языковедческой мысли. К тому же будет учитываться и степень популярности рассматриваемых идей и воззрений на Балканах и, естественно, прежде всего в Болгарии. В определенных случаях эта популярность довольно велика, но существуют и факты парадоксальной неосведомленности балканских и, в частности, болгарских славистов по некоторым исключительно интересным теоретическим разработкам русских ученых. И именно о них мне прежде всего хотелось бы поговорить.

В конце XVIII – начале XIX веков в грамматических трудах русских языковедов ярко доминируют идеи всеобщей грамматики, называемой еще философской. Всеобщая грамматика с некоторыми оговорками может быть признана синонимом общего языкознания, создателем которого был

¹ Публикуемый текст был прочитан на I Международном симпозиуме «Русское слово на Балканах», прошедшем в г. Шумене (Болгария) 14-17 октября 2010 г. – ред.

Вильгельм фон Гумбольдт. Но само понятие всеобщей грамматики существовало до Гумбольдта и было хорошо известно М.В.Ломоносову. Фактически Ломоносовым впервые было сформулировано отличие общего языкознания от частного – называя общую грамматику философским понятием о человеческом слове, Ломоносов называл частную грамматику особой и писал по этому поводу: «особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению» [Ломоносов 1984: 420]. Принципы всеобщей грамматики проявляются гораздо ярче в *Грамматике* А.А.Барсова, а дальше в *Основаниях российской словесности* А.Никольского [Никольский 1807]. Понятия *слово* и *предложение* Никольский объясняет на основе логических категорий. Это напоминает античные и особенно древнегреческие грамматические учения. Но в то же время лингвистическая позиция Никольского может быть определена как закладывание логической основы синтаксиса русского языка. Она же была стимулом к развитию нового логического подхода к языковым явлениям, который уже в начале XIX в. нашел свое наиболее четкое выражение в книге Ивана Степановича Рижского *Введение в круг словесности* [Рижский 1806]. Особо важным представляется тот факт, что Рижский исследовал явления, связанные со специфическим способом выражения мыслей и чувств носителями разных языков. Эти явления получили в теории Гумбольдта название *внутренняя форма языка*.

При внимательном ознакомлении с указанной книгой Рижского можно найти целый ряд рассуждений, которые в переводе на современный язык имеют прямое отношение к тому, что теперь принято называть *картиной мира* и что безусловно связано с *лингвистическим релятивизмом*, например: «Иного народа он (предмет – С.Д.) поражает таким, другого другим качеством... От сего происходит, что понятие разных народов об одной и той же вещи бывают различны в рассуждении: а) точности... б) общности своего действия». Можно только удивляться, что фактически здесь предлагаются количественные критерии к исследованию глагольного действия. Можно также удивляться, что в том же труде говорится об особенностях национального мировоззрения и миропонимания, основанного на том, что у каждого народа имеются свои, свойственные только ему «понятия о тех предметах, которые у него токмо одного находятся» и таким образом составляют «физиономию языка». И можно жалеть, что и мы, славяне, как и вся современная Европа, заговорили и стали заниматься лингвистической относительностью только в послевоенный период, когда познакомились с гипотезой Сепира-Уорфа. Если воздержаться от эмоциональной оценки этого негативного факта, можно и должно согласиться с

Ф.М.Безиным, что «книга Рижского была одной из первых работ в истории русского языкознания, в которой самостоятельно ставятся проблемы общего языкознания» [Безин 1979: 48].

Недостаточное внимание к уникальному творчеству И.С.Рижского в славянском мире не является изолированным фактом. История языкознания, и особенно общего языкознания, изобилует подобными случаями. И как это ни удивительно, примерно такая же судьба настигла и самого создателя общего языкознания, великого Вильгельма фон Гумбольдта. Разница в том, что все же творчество Гумбольдта теперь известно во всем мире, но он недостаточно популярен среди представителей балканского и, в частности, болгарского языкознания. Как бы ни было неприятно признаться, надо отметить, что в Болгарии все еще существуют учебники по общему языкознанию, в которых не упоминается даже имя отца общего языкознания. Этот факт не имел бы прямого касательства к нашей теме, если бы знакомство с Гумбольдтом, эти лингвистические «цветы запоздалые», не происходило под прямым влиянием и с помощью русской теоретической мысли. Тбилисский профессор Г.В.Раишвили назвал Гумбольдта основоположником теоретического языкознания и организовал издание его собрания сочинений на русском языке. На болгарский язык до сих пор не переведена ни одна работа великого ученого, основателя Берлинского университета, автора исключительной программы обучения, которой долгие годы придерживалось и поныне придерживается наше университетское образование.

Первое исследование Гумбольдта, переведенное на иностранный язык, появилось в России в 1847 г. Оно озаглавлено *О сравнительном изучении языков в связи с различными эпохами их развития* (1843) и было опубликовано в самом престижном в то время научном издании – в *Журнале Министерства Народного Просвещения* в переводе Б.Яроцкого. Снова в этом журнале 11 лет спустя (1858 и 1859) в двух номерах вышло в переводе П.Билярского предисловие к исследованию языка кави, озаглавленное *О различии между организмами человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода* (1848). Через некоторое время это предисловие вышло в России отдельной книжкой. И тут снова натываемся на парадокс: эта книжка была введена в качестве учебника по теории языка в военных учебных заведениях России. И все же именно Россия оказывается той страной, в которой переводной, хотя и не очень объемный вариант творчества Гумбольдта получил значительную популярность. До выхода (1984) сборника под редакцией Раишвили в переводе таких известных лингвистов, как А.А.Алексеев, В.В.Бибихин, О.А.Гулыга, В.А.Звегинцев и др., языковеды, не читающие по-немецки,

довольствовались переводом фрагментов в двухтомнике В.А.Звегинцева [Звегинцев 1964: 356-362], содержащем очерки и извлечения из трудов языковедов XIX и XX веков. Но в то же время о Гумбольдте в России было написано много – им занимался и обрусевший немец, профессор Московского и Ташкентского университетов Г.Шпет [Шпет 1927], и А.А.Потебня [Потебня 1862, 1958], и Д.Н.Овсяннико-Куликовский [Овсяннико-Куликовский 1893], а уже в послевоенный период В.И.Пустовалова, чья книга *Язык как деятельность* [Пустовалова 1982] дополняет большую серию исследований упоминавшегося уже неоднократно Г.В.Рапишвили [Рапишвили 1978, 1981, 1984 и др.].

По целому ряду экстралингвистических причин и прежде всего из-за трудности и витиеватости языка самого Гумбольдта его творчество подвергалось самым разным интерпретациям. На его родине, в Германии, при активном участии Х.Штейнталя был создан миф, обвязывающий Гумбольдта с философией Канта и, таким образом, отрывающий его от настоящих источников его философских убеждений – от систем И.Г.Гаманна и И.Г.Гердера. Эта тенденция распространилась быстро во всех европейских странах. И если некоторые ученые оспаривали ее в устной форме, ограничиваясь разговорами в университетской среде, в России первым серьезно и обоснованно возразил против неверного толкования теории Гумбольдта проф. Г.Шпет. Не отрицая знакомства Гумбольдта с философией Канта, Шпет совершенно четко отмечает, что она дошла до него как преломленный луч света, осветивший не столько языковедческие доктрины, сколько, прежде всего, творческое мироощущение самых выдающихся творцов немецкой культуры: «Кантианство для него заключается не в словах Канта, а в их эстетически-поэтическом преломлении в сознании Шиллера, Гете, романтиков, Шеллинга. Для правильного понимания и осознания философских основ теорий Гумбольдта не надо искать в них кантианских элементов, а его просто нужно поставить в один ряд с такими его современниками, как Фихте, братья Шлегель, Шиллер, Гете, Шлеймахер, Гегель» [Шпет 1927: 32-33].

Слова Шпета не спасли Гумбольдта от ударов вульгарно-материалистического мышления, нанесенных спустя много лет после его смерти в социалистическом мире. В Советском Союзе его обвиняют в «беспросветном идеализме» за известную мысль, содержащую в концентрированном виде программу всего его творчества: «Язык народа – это его дух, и дух народа – это его язык, и трудно представить себе нечто более тождественное». Но в том же Советском Союзе во весь рост встает проф. В.А.Звегинцев и заявляет, что теоретические конструкции Гумбольдта не могут приниматься или оспариваться только на базе одного из возможных

переводов отдельных фраз, поскольку указанная мысль в силу уникальной сложности языка Гумбольдта и, в частности, многозначности слова Geist может быть переведена и другим способом: «Язык народа находит воплощение в его образе мышления, и образ мышления народа воплощается в его языке – и трудно представить себе нечто более тождественное». В 1964 г., благодаря двухтомнику В.А.Звегинцева, принятому в качестве учебного пособия во всех советских филологических вузах, Гумбольдт был включен в учебные программы не только по общему языкознанию, но и по введению в языкознание. Таким образом, к его творчеству прикасались уже студенты первого курса. В то же самое время у нас ни один болгарский студент не слышал с кафедры имя Гумбольдта, а в учебниках по языкознанию вовсе не ставился вопрос о том, кто создал эту науку.

Немало лет спустя, благодаря русской теоретической мысли, этот пропуск начинает восполняться. Вероятно, не стоило бы так подробно говорить об этом случае, если бы в нашем общем языкознании не было бы и других подобных пробелов. И поскольку здесь упоминалось имя В.А.Звегинцева, позволю себе напомнить еще один очень существенный факт, связанный с историей общего языкознания. В учебных пособиях и даже в монографиях, связанных с этой научной дисциплиной, у нас полностью обходят вопрос об арабском языкознании, представляющем собой не только интересное явление, но и важный этап в истории лингвистики, процветание ее в Средние века на Востоке, когда грамматическая мысль Европы если не спит, то, по крайней мере, дремлет.

В 1958 г. издательство Московского университета выпустило книгу проф. Звегинцева *История арабского языкознания*. Не нахожу объяснения, почему этот труд, столь популярный в Америке и в ряде европейских стран, почти неизвестен нашим языковедам и не нашел отражения ни в одном пособии по общему языкознанию. А насколько важна и необходима для современной лингвистики эта книга, можно судить уже по первым словам автора: «В лингвистической литературе не существует систематического изложения истории возникновения и развития языковедческих учений на Востоке, несмотря на то что эта область науки нашла в народах, бытующих на этой территории, прилежных и подчас глубоких исследователей. Ни один из трудов по общей или частной истории языкознания не касается этой области» [Звегинцев 1958: 3]. В этой книге впервые показана роль арабского языка на Востоке, сравнимая с ролью латыни в Средневековой Европе и староболгарского языка в славянском мире. Показаны контакты на теоретическом уровне с индийской и античной традициями, показаны предложенные арабами и используемые до сих пор принципы эмпирической обработки языкового материала. Особый интерес представ-

ляет изложение сложной научной ситуации в период ожесточенного спора между школами в Куфе и Басре – ситуации, которая имела неоднократное повторение в истории теоретического языкознания в мировом масштабе. На примере развития арабского языкознания выясняются многие причины и стимулы развития языкознания вообще, языкознания как особой науки, названной Блумфильдом путем к самопознанию человека.

Здесь позволю себе остановиться на одном вопросе, разработанном впервые арабами. Это вопрос о так называемых незначительных частях речи, объединяемых термином *harf*, что в переводе означает ‘частица’. Фактически там, на Востоке, зародилась грамматика малых слов и связанных с ними языковых изменений, в том числе и процессов эллиптации предложения. Эти процессы имеют универсальный характер, и их трудно не заметить. Но теоретическое их обоснование было впервые осуществлено в России, в Казанской школе, Николаем Вячеславовичем Крушевским, предложившим термин *языковые утраты*. Этот необыкновенный по одаренности и объему творчества лингвист за свою короткую жизнь достиг таких вершин теоретических обобщений, что был признан Фердинандом де Соссюром наиболее интересным и углубленным языковедом своего времени. Творчество Крушевского тоже не получило нужной популярности в нашей традиции преподавания и разработки проблем общего языкознания. А можно было бы ожидать, что оно получит заслуженную популярность, поскольку в нашей стране бывал и встречался с языковедами Роман Осипович Якобсон, наиболее четко растолковавший проблематику творчества Крушевского, его феноменологию и его концепцию индивидуального контакта человека с языком, т.е. идиолекта.

Тут следует добавить, что и сам Якобсон, несмотря на свою огромную популярность в Болгарии, нуждается в дальнейшем более пристальном изучении, когда речь идет о его теоретических воззрениях и особенно о его толковании сущности человеческого языка как специфицированного для данного вида средства.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что при всем интересе к русской лингвистической теоретической мысли нам все еще предстоит многое изучать и осознать. Особо серьезная работа предстоит по теме *Русское языкознание в контексте европейской науки о языке*. Над этой темой работают многие зарубежные коллеги. Она нашла отражение и в последней, написанной на английском языке, теоретической книге польского русиста, воспитанника Московского университета Анджея Богуславского *Linguistics-Philosophy Interface* [Богуславский 2004]. Нам, языковедам старшего поколения, не успеть довести разработку всех тем до конца. Но указать нашим наследникам на те основные пункты, которые

нуждаются в серьезном изучении и интерпретации, можно и должно, что я и постаралась частично сделать в своем изложении.

ЛИТЕРАТУРА

- Березин 1979 – *Березин Ф.М.* История русского языкознания. М., 1979.
- Богуславский 2004 – *Boguslawski A.* Linguistics-Philosophy Interface. Warsaw, 2004.
- Звегинцев 1958 – *Звегинцев В.А.* История арабского языкознания. М., 1958.
- Звегинцев 1964 – *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964.
- Звегинцев 1984 – *Звегинцев В.А.* О научном наследии В. фон Гумбольдта // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Ломоносов 1984 – *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М., 1984.
- Никольский 1807 – *Никольский А.* Основания российской словесности. М., 1807.
- Овсяннико-Куликовский 1893 – *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* А.А.Потебня как языковед-мыслитель // Киевская старина. Т. LXII. 1893.
- Потебня 1862 – *Потебня А.А.* Мысль и язык. М., 1862.
- Потебня 1958 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958.
- Пустовалова 1982 – *Пустовалова В.И.* Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. М., 1982.
- Рамишвили 1978 – *Рамишвили Г.В.* Вопросы энергетической теории языка. М., 1978.
- Рамишвили 1981 – *Рамишвили Г.В.* Языкознание в кругу наук о человеке // Вопросы философии. 1981. № 6.
- Рамишвили 1984 – *Рамишвили Г.В.* Сост., ред. и авт. Предисловия // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Рижский 1806 – *Рижский И.С.* Введение в круг словесности. СПб., 1806.
- Шпет 1927 – *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927.